

Марина Москвина

**Мой тучерез. Дом
10 в Большом
Гнездниковском переулке**

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Марина Москвина

**Мой тучерез. Дом 10 в Большом
Гнездниковском переулке**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Москвина М. Л.

Мой тучерез. Дом 10 в Большом Гнездниковском переулке /
М. Л. Москвина — «АСТ», 2016

«...В 1912–1914 годах зодчий Эрнст Карлович Нирнзее воздвиг небывалую громадину – десятиэтажный доходный дом (дом дешевых квартир, дом холостяков, «каланча», дом-крыша), вместивший в себя такое обилие событий, что его история кажется неправдоподобной. Легче сказать, чья нога не коснулась метлахской плитки на полу подъездов этого дома, чем озвучить имена людей, голоса и шаги которых звучат и поныне в его гулких коридорах...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Москвина М. Л., 2016
© АСТ, 2016

Марина Москвина

Мой тучерез. Дом 10 в Большом Гнездниковском переулке

Ну – я дотянула. Сколько раз собиралась написать про свой дом, как все детство провела на крыше. А теперь ему – сто лет! И музей Москвы его уважил – к столетию первого московского небоскреба, знаменитого Дома Нирнзее в Большом Гнездниковском переулке, устроил выставку «Московский тучерез».

В 1912–1914 годах зодчий Эрнст Карлович Нирнзее воздвиг небывалую громадину – десятиэтажный доходный дом (дом дешевых квартир, дом холостяков, «каланча», дом-крыша), вместивший в себя такое обилие событий, что его история кажется неправдоподобной. Легче сказать, чья нога не коснулась метлахской плитки на полу подъездов этого дома, чем озвучить имена людей, голоса и шаги которых звучат и поныне в его гулких коридорах. Неважно, прожил ты в этом доме жизнь или ненадолго снял угол, ютился на антресолях у знакомых или заглянул на огонек, любовался закатами в кафе «Крыша», снимал фильмы под звуки фортепиано – на верхотуре когда-то был оборудован павильон «Киночайка», – шутил и танцевал в подвальном кабаре «Летучая мышь» или, волнуясь, возносил к небу рукопись в издательство на «голубятне» – надеясь, что она превратится в книгу и останется жить в веках.

Знать бы заранее об этой выставке, с какой любовью здесь будут преподносить каждую сохранившуюся фотографию, документ, воспоминание – да я бы столько всего принесла, накопленного, сохраненного мамой моей Люсей, дедом Степаном Захаровым, бабушкой. Сундук на балконе – полный их рукописей, альбомов фотографий с начала XX века! Двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые... Еще полвыставки осталось за бортом из-за моей нерасторопности, а все равно – какая она теплая, насыщенная, согревающая сердце.

Виды на Москву с высоты птичьего полета, пожелтевшие театральные программки (жаль, не хватает котелка директора «Летучей мыши» Никиты Балиева!), трогательные артефакты, потускневшие от времени, радиола, патефон, оранжевый абажур над обеденным столом, ручки от старинных кушеток – с львиными головами, плюшевый медведь и платье, господи, платье пятидесятых годов сестры воспитательницы детского сада на крыше – черное с белым отложным воротничком и манжетами... Трогательные судочки – пирамидка из трех кастрюль, с ней одинокие квартиранты в шлепанцах и полосатых пижамных брюках шествовали в домовую кухню за теплым обедом, ватные Деда Морозы и елочные игрушки – пионеры, красноармейцы, летчики, хоккеисты, космонавты... «Фирменные» водопроводные вентили и до боли знакомая старожилу белая фаянсовая ручка в виде капли, свисавшая на веревке с бака над унитазом.

Там, в музее, наконец-то мне удалось обрести королевский подарок, полученный Домом к своему столетию, – второе издание захватывающей, уникальной книги «Дом Нирнзее» Владимира Бессонова и Рашида Янгирова, исследователей истории, да что там – живой жизни этого фантастического сооружения, – богемной, бурной, театральной, «киношной», музыкальной, литературной, цыганской, вольной, ресторанной, и тут же – революционной и эмигрантской, предвоенной, военной, «оттепели», «застоя», «перестройки»... И судьбы, судьбы обитателей, их взлеты и низвержения, сюжеты любви и разлук, надежд, которым было не суждено сбыться, пики счастья и вершины трагедии тех, чья слава не померкла с годами, и тех, что материализуются из небытия под пером авторов, которые осторожно переплетают реальность и мифы Дома-корабля, Дома-призрака, Дома-океана с очевидно присутствующими ему космическим сознанием и памятью.

Теперь я точно знаю, что он тоже помнит меня, этот дом, где на Крыше осталось мое детство. Именно на Крыше, с большой буквы, на плоской кровле громадного Дома – она заменяла жильцам двор. Там были клуб, клумбы, качели, волейбольная площадка. Мы разъезжали по крыше на роликах и велосипедах. А вечерами в клубный телескоп разглядывали звезды и планеты.

Тогда это казалось чем-то обычным, само собой разумеющимся, и то ликование, которое ты испытывал, когда взлетал на качелях над Москвой, пронесился в небе на самокате или пел в хоре, паря над городом, считалось обычным делом. Но через много лет я узнавала это ощущение в приступе вдохновения, в объятиях возлюбленного или взбираясь по отрогам высоких Гималаев, чувствуя под собой горячую спину лошади, всплывая к облакам на аэростате или прижимая к груди свою только что вышедшую из типографии книгу, новорожденного сына... и дальше по списку.

Говорят, после революции в Доме селились одни партийцы. Да нет, в любые времена кто здесь только не жил и не бывал! Среди первых большевистских жильцов дома присутствуют даже таинственные члены Ордена тамплиеров (читаем мы у Бессонова, Янгирова), в квартире бывшего торгпреда СССР в Англии Н. Богомолова на пятом этаже происходили их тайные совещания и посвящения. Ходят слухи, сам архитектор Нирнзее был теософом и умышленно затеял это строительство, желая отыскать золото тамплиеров, зарытое в Гнездниках.

В год рождения моей мамы Булгаков знакомится тут со своей второй женой, а потом и с третьей! Дом 10 называет он «заколдованным домом». Мастер из одноименного романа Булгакова идет за еще незнакомой Маргаритой, судя по описаниям, явно в Гнездниковском переулке.

Напротив квартиры поэта и художника Давида Бурлюка гостил Маяковский. Сам Председатель Земного Шара Велимир Хлебников, поэт и ясновидец, размышлял тут о судьбах человечества, о том, как покончить со всеми войнами, с войной вообще и объединить континенты, выстраивал грандиозную концепцию «Всемира».

Вид на Москву с нашей крыши легко узнаваем у Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Валентина Катаева...

Мой дом – «башня из слоновой кости», испокон века населенная интеллектуалами всех мастей, инженерами, философами, врачами, журналистами, актерами, учеными, футуристами, аэронавтами, даже одним замдиректора Музея фарфора! Возможно, именно здесь, на пятом этаже, архитектор Григорий Бархин спроектировал здание «Известий». Как выяснилось, «дедушка Гриша» с внуком – будущим художником Сережей Бархиным – чуть не у наших на потолке громоздили корабль из кресел, тумбочек и табуреток.

Моему брату Юрику был год, когда в доме поселился Юрий Олеша, он писал тут книгу «Ни дня без строчки». На моей памяти по соседству с нами в квартире 422 жил артист Владимир Володин, знакомый зрителю по кинофильмам «Кубанские казаки», «Волга-Волга» и, конечно, «Цирк». Это он катался на трехколесном велосипеде по манежу, неустанно напевая: «Весь век мы поем, мы поем, мы поем...» И под колыбельную «Спя-ят медведи и слоны...» укачивал негритенка Джима Паттерсона, который не раз приходил играть с Юриком, а когда вырос, то стал поэтом.

На десятом этаже было издательство «Советский писатель». Отправляясь гулять на крышу, мы сталкивались нос к носу в лифтах, на лестнице и в коридоре с легендарными личностями, ходячими легендами, которых потом будем изучать в университете, но кто да кто движется тебе навстречу и отвечает на твое «Здрасьте!», для нас пока оставалось тайной.

Огромные издательские окна смотрели на крышу. Однажды летом мы играли в двенадцать палочек. Игра вроде прятки, но выручаться надо, стукнув ногой по доске. С доски падают двенадцать палочек. Пока ты их подбираешь, все снова прячется. В тот день мне страшно не везло, я эти палочки собирала раз восемь. Вдруг из окна издательства шагнул на крышу человек. Он был в очках, костюм с жилетом, в кармане на груди платок, как дирижер. И он сказал:

– Чур на новенького.

– Вот вы и водите, раз на новенького.

– Я и буду, – ответил этот человек.

Он собрал палочки, сложил на край доски, тут ему крикнули:

– Кассиль, где вы?

– Зовут, – он сказал и ушел. Обратно в окно. Это был швамбранский адмирал, автор «необычайных приключений двух рыцарей, в поисках справедливости открывших на материке Большого Зуба великое государство Швамбранское».

Одно из первых изданий «Кондуита и Швамбрании» подарил моей маме сам Лев Кассиль. В начале тридцатых на крыше устраивали грандиозные футбольные чемпионаты окрестных дворов и переулков. Их неизменным участником бывал такой же, как моя Люся, футбольный фанат Костя Есенин, сын Сергея Есенина и актрисы Зинаиды Райх.

На матчах Люся бегала «заворотным хавом» или «загольным кипером» – так называли подающего мяч футболистам. Если мяч вылетал за ограду и падал вниз, лифтерши по таким пустякам лифт не гоняли, и Люся съезжала по перилам или спускалась по железной пожарной лестнице, которую я уже не застала. Особым шиком среди ребят считалось перелезть через ограду и гулять по карнизу над бездной. «А кто боялся, того все считали слабаком, и мы до сих пор помним их имена», – сказала служившая на войне в десантных войсках, чудом уцелевшая подруга Люси Галя Полидорова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.